

УДК 93/94-930

**Поволжье и Индия:
начальные этапы
исторических отношений
(по материалам казанских
исследователей)**

Г. Ф. Мратхузина, Р. И. Хораськина

*Казанский федеральный университет,
г. Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация*

**The Volga region and India:
the initial stages
of historical relations
(a case study by Kazan
researchers)**

G. F. Mratkhozina, R. I. Khoraskina

*Kazan Federal University,
Kazan, the Republic of Tatarstan,
the Russian Federation*

Аннотация

Современная отечественная историография позволяет представить природу, место и роль исторических связей Поволжья и Индии, понять феномен индийско-татарских отношений в регионе, показать Казань – «Звезду Востока» и «Великие ворота в Азию» – как исторический центр древних контактов поволжских и индийского народов. Исследование связей России и Индии имеет богатую историческую традицию, основным критерием отбора литературы стал научный характер исследований. Сегодня обозначены основные направления отечественной историографии российско-индийских отношений, логика эволюции и закономерности прогресса и регресса знаний об Индии в России. Во второй половине XVIII-XIX вв. изменялись мировоззренческие принципы исследования российско-индийских отношений, их историография являлась органичной частью отечественных гуманитарных исследований. В XIX-XX вв. расширяются и углубляются представления и научные знания об Индии, усиливаются историко-культурные связи России и Индии. Исследования приобретают системный, комплексный и интегрированный характер. Довольно разнообразна история взаимного влияния России и Индии, своими истоками она уходит в глубокую древность. В целом история двусторонних отношений складывалась из крупных исторических периодов, на протяжении долгого времени органически взаимосвязанных. Российско-индийские отношения подкреплялись самобытной национальной культурой народов России и Индии, в их основе лежали разнообразные внешнеполитические, торгово-экономические и научно-культурные взаимные влияния. В отечественной исторической литературе освещены основные этапы, специфика и тенденции этих отношений. Оживлением теоретико-концептуальных и конкретно-исторических аспектов характеризуются исследования последних десятилетий, однако краеведческий анализ поволжско-индийских отношений остается недостаточно исследованным. Данная статья ставит целью осмысление, анализ и оценку краеведческого контекста истории взаимоотношений

Поволжья и Индии, которые имеют более чем тысячелетнюю историю. Авторы ставят задачу систематизации материала о роли поволжско-татарского компонента в российско-восточных и российско-индийских отношениях. Современными татарстанскими историками изучены многие аспекты заявленной темы, ретроспектива и перспектива взаимных контактов представлены довольно широко в трудах казанских исследователей.

Abstract

The modern Russian historiography allows us to get the idea of the nature, place, and role of historical relationship between the Volga region and India, to understand the phenomenon of the Indian-Tatar relations in the region, to show Kazan, the "Star of the East" and the "Great Gate to Asia" as a historical center of ancient contacts between the Volga region peoples and those of India. The study of relations between Russia and India has a rich historical tradition. The main criterion for the selection of literature has become the scholarly nature of research. Today, the main trends of Russian historiography of the Russian-Indian relations, the logic of evolution and patterns of progress and regression of knowledge about India in Russia have been outlined. In the second half of the 18th- 19th century, worldview principles of the study of Russian-Indian relations were changing, their historiography made an integral part of Russian research in the humanities. In the 19th and 20th centuries, the concepts and scholarly knowledge about India expanded and deepened, historical and cultural ties between Russia and India strengthened. Research gained a systemic, complex and integrated nature. The history of the mutual influence of Russia and India is quite diverse and its origins go back to ancient times. In general, the history of bilateral relations consisted of large historical periods, interconnected organically for a long time. The Russian-Indian relations were strengthened by the distinctive national culture of the Russian and Indian peoples, they were based on a variety of foreign policy, trade, economic, scientific and cultural mutual influences. Russian historical literature highlights the main stages, specific features, and trends of these relations. The studies of recent decades have been characterized by a revival of theoretical, conceptual and concrete historical aspects, but the local history analysis of the relations between the Volga region and India remains insufficiently studied. This article aims at understanding, analyzing and evaluating the regional context of the history of the more than thousand-year relations between the Volga region and India. The authors set the task of systematizing the material on the role of the Volga Tatars in Russian-Oriental and Russian-Indian relations. Modern Tatarstan historians have studied many aspects of the declared subject. The retrospect and prospect of the mutual contacts are broadly represented in the works of Kazan researchers.

Ключевые слова

Отечественная историография, казанские исследователи, исторические связи Поволжья и Индии, индийско-татарские отношения.

Keywords

Domestic historiography, Kazan researchers, historical relationship between the Volga region and India, Indo-Tatar relations.

Авторитетные представители казанской школы востоковедения и индологии, являясь авторами ряда научных публикаций по обозначенной теме, сходятся во мнении, что термин «Поволжье» упоминается в качестве одного из самых значимых объектов международных отношений со странами восточного направления.

В древности отношения России и Индии носили эпизодический характер, а сами представления о далеких землях были и вовсе фантастическими. Те контакты, которые установились у Древней Руси с Индией, были недостаточными для полноценного

знакомства. Редкие связи, которые только начали устанавливаться, изначально не смогли привнести значительный культурный материал из Древней Индии. Однако, малая изученность восточных стран побуждала наносить дипломатические визиты или отправляться в путешествия. Несмотря на скудность установленных контактов, можно отметить, что из Индии на Русь попали шахматы. Также можно предположить, что мотивы индийских тканей и украшений способствовали проникновению на Русь элементов древнеиндийской мифологии. Судя по всему, русским было интересно наблюдать за древними обычаями индийских торговцев в Средней Азии и других восточных центрах. Русские купцы или путешественники, которым довелось побывать в Индии и других азиатских странах, рассказывали об их культуре и традициях. Так по крупицам собирались первоначальные сведения об Индии.

В сознании русского общества образы древней и современной Индии практически не пересекались, «Гиндустан» – термин для выражения современной Индии, который был принят «от народа», был отличен от книжных понятий, связанных с древней Индией, – таких, как «рахманы». Существенные сведения об индийских древностях Русь получает не из живых контактов, а изолированно – посредством книжной традиции. Исторические реалии Древней Индии, которые Русь получила через античную и раннюю средневековую исторические традиции, расширяют представления и историко-культурное мышление русского книжника. Он узнает о том, что в древности наравне с эллинским миром существовала великая страна Востока Индия. Некоторые казанские ученые делают предположение о связях русского фольклора и древнеиндийской культуры. Например, И. Я. Порфирьев – профессор Казанской духовной академии, член-корреспондент Академии наук, историк русской литературы – занимался проведением культурных аналогий. В своей работе он уточняет происхождение основного сюжета «Повести о Варлааме и Иоасафе» (1873 г.). Она пользовалась успехом и популярностью как переложение известной легенды о жизнеописании Будды, где имя Иоасаф происходит от индийского наименования буддийских святых – «бодхисаттв».

Историографический анализ выявил динамику и эволюцию представлений об Индии. Сначала, благодаря древнегреческим путешественникам и философам, появляется первый в истории образ Индии – земля, полная чудес и мудрых стариков. Далее первоначальный образ углубляется, но перекраивается на европейский лад. Создается романтический образ Индии – идеалистическая, духовная и мистическая страна, которая противопоставлялась прагматичному и рациональному Западу. Но, стоит отметить, образы были условны и являлись отражением личных устремлений и потребностей их создателей – шло сопряжение действительности с иллюзией. В Россию проникли оба представления о далекой Индийской стране. Однако, развеять фантастический образ, навеянный античными мыслителями, удалось не сразу. Такое виденье Индии господствовало до средневековья, и реальный образ укоренился сначала в европейской, а только потом в российской культуре.

Тем не менее, именно зона Южного Поволжья и Средней Азии на протяжении средневековья оставалась очагом торговых и политических взаимоотношений народов России и Индии. Основной водный путь, Волга, сыграла в средневековье коммуникативную роль в общении Севера с Югом. Именно по Волжскому пути осуществлялись различные виды контактов почти всего севера Восточной Европы со странами бассейна Каспийского моря, а через них – с народами Ближнего и Среднего Востока, в то время как Шелковый путь соединял Дальний Восток

с Поволжьем. «Это особенно характерно для периода VIII-IX вв., когда по Волжскому пути осуществлялись не только известные экспансии скандинавских норманнов в южном направлении, но и купцы из южных, особенно из прикаспийских государств, привозили свои товары в северные страны преимущественно по Волге. Водный путь в то время был менее опасным, чем сухопутный», указывает Ф. Ш. Хузин¹.

Раннее феодальное государство Восточной Европы – Волжская Булгария в Среднем Поволжье – образовалось в эпоху оживленного действия Волжского пути. К концу IX – началу X вв. относится становление ее государственной самостоятельности и политической независимости. В этот период край посещает официальное посольство Арабского халифата из Багдада, и секретарь посольства Ахмед Ибн-Фаддан оставляет подробное описание своего путешествия. В X – первой четверти XIII вв., в эпоху самостоятельного развития, болгарские купцы проявляют свою активность в центрах Средней Азии – Хорезме и Бухаре, где частыми гостями были индийские торговые люди. Сухопутное направление Шелкового пути необходимо было для обхода территории враждебной Хазарии, но после падения каганата путь по Волге стал менее опасным. Существовал и второй путь, который пролегал через Итиль по Волге до Булгара. Тот же путь в XV в. начинался уже в Астрахани, а заканчивался в Казани, куда купцы приезжали для торговли на ярмарке Ташаяк, проходившей на Тезицком острове Большого Булака. Вследствие чего индийские и персидские дома, наряду с армянскими колониями, появляются в Итиле, Астрахани, Булгаре и Казани. Можно заключить, что ранние документально подтвержденные контакты болгарского населения Поволжья с представителями Индии имеют более чем тысячелетнюю историю, продолжает Ф. Ш. Хузин².

На освоенность сухопутного пути указывают материалы эпохи Золотой Орды. Благоприятные условия для торговых связей Поволжья создавало установление власти золотоордынских ханов на евразийских просторах, что было особенно заметно в первой половине XIII – середине XIV вв., когда государство Джучидов активно развивало торговые и культурные связи со странами Востока. «Как свидетельствует арабский путешественник Ибн Баттута, посетивший в 30-х гг. XIV в. Золотую Орду, затем Индию, связи между этими государствами были устойчивыми и разнообразными», – пишет М. А. Усманов³.

Значение Волжского пути в развитии отношений с Индией прослеживается в последующих столетиях. В Индию людей вели разные побуждения. Достаточно вспомнить рискованные странствия былинного Садко, а затем и тверского купца Афанасия Никитина (1466-1472 гг.), плившего по Волге через Каспийское море в страны Ближнего Востока, далее в Индию. По пути в индийскую землю Никитин проехал мимо Казани. Путь этот раскрывает новый маршрут: купец сообщает, что «и Казань ... и Услан ... проехали ...». Он отмечает, что «Казань расположена на высокой горе, а под городом протекает река Казанка, а над городом поднимаются очень высокие минареты мечетей и царский дворец». Его путевые заметки, большей частью написанные кириллицей на тюрки, являются гордостью российской индологии, он увековечил себя в истории – с него начинается размывание сказочного образа «Индийского царства».

Великие географические открытия XV-XVI вв. и формирование нового географического пространства повлияли на ослабление значимости территорий народов России как уникального связующего моста между Западом и Южной Азией. И. П. Ермолаев пишет, что о политических контактах с Индией свидетельствуют

первые документальные сведения посетившего Казань в 1533 г. при царе Сафе Гирее посольства от имени падишаха Бабур. Не случайно сам Бабур в поэме «Бабур-намэ» пишет о подарке из страны Булгар. Потом с визитом побывало и его посольство в Москве при великом князе Василии III, и как результат – подписание договора «быть в дружбе и братстве». Разные индийские гости оставляли о себе память – они шли караванами до Волги, в Булгаре и Казани они жили длительное время. Торговали «заморскими диковинками», встречаясь с варяжскими и московскими купцами на Ага-Базаре при Булгаре, позже на Гостином острове в Казани, и даже на Макарьевской ярмарке. Расширяются и культурные контакты, выходцами из Булгара в городе Хазанабад (Северная Индия) в XVII в. была построена копия казанской восьмиминаретной мечети «Кол Шариф»⁴.

Взаимная торговля отвечала интересам всех сторон, она была выгодной как для русских и татарских, так и индийских купцов. Мухаммед Али, будучи послом бухарского хана Абдуллы (1557-1598), приехав в 1585 г. в Казань, подал челобитную о разрешении приехать в Москву, чтобы преподнести царю подарки в знак уважения и почтения. Среди подарков были индийский шатер, индиго и роскошные ткани из Лахора. Но ранее с подобными добрыми намерениями в Москву в 1532 г. прибыл торговец Ходжа Хусейн, который представлял индийского султана Бабура. В то время российско-индийские связи были весьма хрупкими, представляли собой осторожные взаимные контакты. Появлению индийских товаров в Российском государстве способствовали эти пробные, изначально несмелые, попытки налаживания торговых отношений через страны-посредники, как считает М. А. Усманов⁵.

Рубеж Нового времени обозначил эпоху непосредственных контактов и начало систематических связей, когда Россия продолжала заниматься поиском удобных путей в Индию. С Индией Россия была связана посольствами, целью послов было выявление отношения Индии к вопросу о посылке в Россию индийских ремесленников. Б. Годунов не случайно оказывал покровительство индийским купцам, русский царь просил 2-3 тысячи тонн серебра в обмен на российские товары. Свидетельством поворота в официальном и дипломатическом курсе Российского государства явились российские миссии XVII в. в Индию (посольство «торгового человека» А. Грибова, казанца Н. Сыроежина и астраханца В. Тушканова 1646 г., посольство Р. Пушникова и И. Деревенского 1651 г., посольство мусульманина-астраханца Ю. Касимова в 1675 г.). В 1696 г. русские купцы впервые получили разрешение торговать в самой Индии. Но Россия все больше сближалась с Западной Европой (вестернизаторские преобразования Петра I), и исторические судьбы России и Индии к XVIII в. развели их дальше друг от друга. Дипломатические акции Петра I не увенчались особым успехом, хотя властями было отправлено несколько экспедиций во главе с князьями А. Бековичем-Черкасским и К. М. Тевкелевым. Тем не менее, отечественными путешественниками собираются первые азиатские коллекции Кунсткамеры.

Для установления дружественных отношений с Индией было отправлено посольство, которое имело важное значение. Данная экспедиция дипломатического характера включала в свой состав грамотных и образованных людей из татар: Якуба Ягафарова, Надира Сафарова, Исмагила Бекмухамедова. Они свободно владели тюркским и арабо-персидским языками и были знакомы с обычаями ислама. Небольшое по объему и емкое по содержанию сочинение «Записки» о длительном и опасном путешествии оставил как раз И. Бекмухамедов. М. А. Усмановым была опубликована индийская часть «Записок», откуда татарские читатели Поволжья

и Приуралья более 150 лет черпали свои знания об Индии. Рукописные списки сочинения были широко распространены среди татарского населения, текст оригинала переиздавался типографским способом и изучался в учебных заведениях России⁶.

О связях говорят и картографические данные, в которых север от Индии в первой половине XVII в. обозначается как Булгар. На сегодняшний день существует немалое количество ценных источников по истории русско-индийских связей на татарском языке, это еще раз подтверждает значимость изучения тюркоязычных исторических материалов и их непосредственного анализа. Отсутствие официальных источников информации об Индии приводило к тому, что источниками сведений об этой стране стали для путешественников собственные наблюдения. Путевые записки об Индии не отличаются однородностью, однако путешественникам в своих путевых записках (саяхатнаме) удалось реально показать Индию: богатую и бедную, экзотическую и обыденную, в войне и мире, труде и празднике, в философских исканиях и глубине невежества, Индию индуистов и мусульман. Вот почему их произведения об Индии до сих пор не утратили своей исторической и литературной ценности.

Исследовав путевые заметки татарских путешественников, А. Х. Алеева пришла к выводу, что жизнь татар на перекрестке торговых путей между Европой и Азией естественным образом подталкивала к тому, что они не оставались в стороне – шло активное втягивание в торговые отношения с другими народами. Позднее выходцев из образованной и интеллигентной татарской прослойки правительство Российского государства стало использовать в дипломатических и торговых миссиях в восточные страны, куда входила и Индия. Посредниками между индийцами и русскими становятся татары, владевшие арабским и персидским языками и свободно изъяснявшиеся на русском. Судя по всему, среди них были выходцы из Казани, находившиеся в качестве толмачей и переводчиков на государственной службе при Московской канцелярии, татары (или происходившие из татар) составляли грамоты на восточных и тюркских языках. Так, в московском Посольском приказе на службе была определенная группа татар, некоторые из которых были участниками поездок и составной частью отправляемых посольств. В русских посольствах в восточных странах в середине третьей четверти XVII в. видную роль играл казанский татарин-мусульманин Махмет-Исуп (Мухаммед-Юсуф) Касимов, который в 1675 г. возглавил одно из ранних российских посольств в Индию к шаху Аурангзебу. Среди памятников конца XVIII в. нужно выделить «Странствие Губайдуллы Амирова» (1784), описывающее дипломатическую поездку в Индию, где он жил до 1805 г. Автор записей – татарин из Оренбурга, который описал свое путешествие, длившееся около трех десятилетий. За эти годы ему удалось объехать весь Иран, Афганистан, Пакистан и посетить многочисленные города Индии. Касимов и Амиров были деятелями татарского происхождения, которые в XVII-XVIII вв. оказали России значимые услуги при сношениях с восточноазиатскими государствами. Русское правительство располагало готовыми кадрами переводчиков, благодаря находившимся на службе татарам, и татарский язык был некоторое время языком дипломатических отношений – правителям Индии отправлялись татарские дубликаты русских грамот. Ответы готовились, как правило, на татарские варианты русских грамот⁷.

По словам Л. М. Свердловой, в связи с возникновением первых мануфактур и усилением мелкого товарного производства, в России появляется интерес к опыту, накопленному индийцами в ремесле. Главными центрами российско-индийских

отношений к этому времени становятся Астрахань, Оренбург и Казань. Поселение индийцев в Астрахани – колыбели хлопчатобумажного производства – способствовало ознакомлению русских с их бытом и культурой. После административного освоения Поволжья в середине – второй половине XVI в., Астрахань стала играть ведущую роль в проникновении в Индию сведений о России. Правительственная привилегия, дарованная Оренбургу практически с самого его основания в 1735 г., предусматривала ряд льгот для купцов и ремесленников из Средней Азии и Индии. Генерал-губернаторы Оренбургского края И. И. Неплюев и Р. И. Рычков приложили большие усилия к распространению знаний об Индии, привлекая в качестве посредников в налаживании торговли с восточными странами «казанских торговых татар». Добровольного переселения двухсот семейств татар из Казанского края (нынешнего Сабинского района Республики Татарстан) они добиваются, выделив тем земельные угодья под Оренбургом – здесь возникает новый населенный пункт Сеидов Посад (по-татарски – Каргала). Освобожденные от податей, они активно включаются в российско-восточную торговлю. Они успешно торгуют, будучи мусульманами и владея восточными языками, не только в Казахстане, ханствах Средней Азии, Восточном Туркестане, но и в Иране, и в Афганистане. Н. И. Неплюев, учитывая такие успехи татарских торговых людей на Востоке, при активном содействии городского руководства добивается организации компании для торговли с Индией. Один из членов компании в 1750-1751 гг. А. Хаялин, сын С. Хаялина, снаряжает два каравана в Индию. К XVIII в. Казань становится промышленным и административным центром, оказавшись на стыке транзитной торговли, а казанские торговые татары привлекаются в восточную торговлю. Именно с этого периода Казань стали называть «Звездой Востока» и «Великими воротами в Азию»⁸.

Уже в XIX в. в России зарождается уникальная наука об Индии, еще в начале века в Казанском императорском университете закладываются традиции изучения духовного мира народов Индии. Во второй четверти XIX в. наметилась первенствующая роль Академии наук и университетов в изучении Индии, главным образом санскритологии. Успехи казанской индологии представлены именами П. Я. Петрова (1814-1875) и Ф. Ф. Болензена (1812-1896). В библиотеке Казанского университета имелись все последние публикации по индологии, и здесь были собраны редкие рукописи по восточной филологии и этнографии.

Очевидным было стремление установить научные связи со странами Востока, и в этом немалая заслуга принадлежит ректору Н. И. Лобачевскому (1827-1847). Совет университета в 1827 г. избрал Мухаммеда Халила ибн Гафрана Алу из Пешавара своим корреспондентом, через него должна была отправляться научная информация и осуществляться приобретение индийских рукописей и книг. С основания в 20-30-х гг. XIX в. в Англии Фонда переводов восточных памятников («Oriental Translation Fund»), его первыми подписчиками становятся Казанский университет и Академия наук, приобретающая издания для Азиатского музея. В изданиях фонда и журналах Королевского Азиатского общества печатались результаты исследований русских ученых, казанских в том числе. Бенгальское Азиатское общество, узнав о деятельности российских санскритологов, направляет в Петербург 28 томов своих изданий, управляющий Казанским округом Н. И. Лобачевский получает 16 из них и делает распоряжение о передаче их в библиотеку университета. Изъявляется готовность послать в Калькутту труды ученых О. М. Ковалевского, П. Я. Петрова и др.

Открытие в 1842 г. кафедры санскрита на Восточном разряде университета, которую возглавил один из крупнейших знатоков санскрита в Европе – упомянутый П. Я. Петров, становится крупным событием. Составленная им обширная программа преподавания предусматривала многогранное изучение древнеиндийской литературы, религиозных гимнов, светских сочинений по философии, истории и грамматике новоиндийских языков. Ординарным профессором санскритского языка был назначен Ф. Ф. Болензен, уволенный в 1856 г. вследствие упразднения кафедры по причине ее перевода в Санкт-Петербургский университет. В фонде научной библиотеки сведения об уровне преподавательской деятельности и состоянии индологической науки имеются лишь в виде кратких очерков, и, соответственно, мало освещены в историографии. В советское время этой темой занимался А. С. Шофман, который исследовал фонды Национального архива РТ (ныне Государственный архив РТ).

На рубеже XIX-XX вв. среди мусульман «Внутренней» России начинает распространяться так называемый джадидистский метод образования, который наряду с религиозными дисциплинами включал и светские. Как уточняет Р. М. Валеев, особое место в преподавании таких наук как география, история, биология занимали сведения об Индии. В учебнике по географии для начальной мусульманской школы, выпущенном в Казани типографией братьев Каримовых в 1909 г., содержатся следующие факты: «В Индостане проживает примерно 300 миллионов человек, из них – 70 миллионов составляют мусульмане, 10 миллионов человек – христиане. Остальные являются язычниками – индуистами и буддистами. В Индостане используются следующие языки: английский, персидский и урду. Столичным городом является Калькутта. Индусы, иранцы, афганцы, греки, латины, французы, англичане, немцы и славяне относятся к арийцам, или белой расе. Наиболее древняя часть арийцев, переселившихся на юго-восток, заняла Индию и в течение долгого времени сохранила этноним арии. Современные индусы являются их потомками»⁹.

В течение всего обозначенного времени регулярно накапливается огромный фактический материал, что привело к достижениям в области исследования языка, истории, литературы, культуры Индии. Необходимо учесть, что индология в России возникла, прежде всего, из практики государственных интересов и общественных потребностей. Ее уровень, научное и общественное значение отечественной индологии определялись объективными знаниями об Индии и особыми интересами государства и общества к их осмыслению. Анализ отечественной историографии показал, что поволжско-индийские отношения складывались на протяжении веков. Их реализация также шла из учета, в первую очередь, государственных интересов. Наряду с ними были и общественные интересы, которые выражались в необходимости приобщения к историко-культурным традициям обоих народов. Определением качественного уровня и значения поволжско-индийских контактов стало накопление объективных знаний об Индии, в основе которых был целый ряд факторов: внешнеполитические, торгово-экономические и научно-культурные. Факторы отражали потребности самобытной и в то же время пестрой национальной культуры народов России в связях с народами Индии. Следует учесть, что тема индийских реалий в русской культуре и их эволюция требует отдельного фундаментального исследования¹⁰.

Выводы исследования заключаются в следующем. Связи Поволжья и Индии были более широкими и разнообразными, чем это освещалось в предшествующей исторической литературе. Хотя предыдущим этапам мы обязаны накопленным

научным опытом, российские индологи продемонстрировали зарождение уникальной науки о духовном мире народов Индии, открыли идейно-эстетическую и научную ценность историко-культурного наследия народов Индостана. Сегодня актуализируется изучение феномена российской индологии, история дореволюционной, советской и современной индологии ставит проблему сохранения и возрождения фундаментальной науки, уяснения тенденций эволюции классической и практической индологии в России.

На современном этапе необходим системный и комплексный анализ феномена поволжско-индийских отношений, более широкое и глубокое их осмысление, в зависимости от конкретной исторической обстановки, общественного строя, системы образования и других факторов.

Сегодня историко-культурологический образ Индии в России основан на партнерских стратегических взаимных отношениях – Татарстан и Индия определили сферы сотрудничества, в том числе и научно-культурного. В настоящее время ощущается необходимость продолжить традиции казанской научной школы индологии в историческом и культурологическом смыслах.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Хузин Ф. Ш. Древняя Казань и Великий Волжский путь // Магариф. – 2003. – № 3. – С. 58-60.
2. Хузин Ф. Ш. Средневековая Казань. – Казань: Татарское книжное издательство, 2004. – 45 с.
3. Усманов М. А. Золотая Орда: истоки и наследие // Сокровища Золотой Орды. – СПб.: Славия, 2000. – С. 26-53.
4. Ермолаев И. П. Казанский край во второй половине XVI-XVII вв. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1990. – 122 с.
5. Усманов М. А. По следам рукописей. – Казань: Татарское книжное издательство, 1994. – 463 с.
6. Усманов М. А. Исторические корни связей народов Поволжья и Индии // Россия-Индия: перспективы развития регионов (Республика Татарстан). – М.: Институт востоковедения РАН, 2000. – С. 133-149.
7. Алеева А. Х. Татарская путевая литература об Индии (XVII-XVIII вв.) // Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. – № 8. – Т. 150. – 2008. – С. 147-161.
8. Свердлова Л. М. На перекрестке торговых путей. – Казань: Татарское книжное издательство, 1991. – 159 с.
9. Валеев Р. М. Российское университетское востоковедение в архивных документах: центры, события и наследие (XIX – начало XX вв.) / Р. М. Валеев, Д. Е. Мартынов. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. – 116 с.
10. Mratkhezina G. F. Russian Indology: Periodization, Science and Education Organization, Problematics and Specialization. Journal of Sustainable Development, 2015, no. 8(4), pp. 15-24.

Список литературы

Алеева А. Х. Татарская путевая литература об Индии (XVII-XVIII вв.) // Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. – № 8. – Т. 150. – 2008. – С. 147-161.

Валеев Р. М., Мартынов Д. Е. Российское университетское востоковедение в архивных документах: центры, события и наследие (XIX – начало XX вв.). – Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. – 116 с.

Ермолаев И. П. Казанский край во второй половине XVI-XVII вв. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1990. – 122 с.

Свердлова Л. М. На перекрестке торговых путей. – Казань: Татарское книжное издательство, 1991. – 159 с.

Усманов М. А. Золотая Орда: истоки и наследие // Сокровища Золотой Орды. – СПб.: Славия, 2000. – С. 26-53.

Усманов М. А. Исторические корни связей народов Поволжья и Индии // Россия-Индия: перспективы развития регионов (Республика Татарстан). – М.: Институт востоковедения РАН, 2000. – С. 133-149.

Усманов М. А. По следам рукописей. – Казань: Татарское книжное издательство, 1994. – 463 с.

Хузин Ф. Ш. Древняя Казань и Великий Волжский путь // Магариф. – 2003. – № 3. – С. 58-60.

Хузин Ф. Ш. Средневековая Казань. – Казань: Татарское книжное издательство, 2004. – 45 с.

Mrathuzina G. F. Russian Indology: Periodization, Science and Education Organization, Problematics and Specialization. IN: Journal of Sustainable Development, 2015, no. 8 (4), pp. 15-24.

References

Aleeva A. K. *Tatarskaya putevaya literatura ob Indii (XVII-XVIII vv.)* [Tatar travel literature about India (17th – 18th centuries)]. IN: *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seria: gumanitarnye nauki*, no. 8, vol. 150, 2008, pp. 147-161.

Valeev R. M., Martynov D. E. *Rossiyskoe universitetskoe vostokovedenie v arhivnykh dokumentakh: tsentry, sobytia i nasledie (XIX – nachalo XX vv.)* [Russian Oriental studies at universities in archive documents: centers, events and heritage (19th – early 20th century)]. Kazan: Kazanskiy gosudarstvennyy universitet publ., 2009, 116 p.

Ermolaev I. P. *Kazanskiy kray vo vtoroy polovine XVI-XVII vv.* [Kazan territory in the second half of the 16th-17th century]. Kazan: Izdatelstvo Kazanskogo universiteta publ., 1990. 122 p.

Khuzin F. S. *Drevnyaya Kazan i Velikiy Volzhskiy put* [Ancient Kazan and the Great Volga River Route]. IN: *Magarif*, 2003, no. 3, pp. 58-60.

Khuzin F. S. *Srednevekovaya Kazan* [Medieval Kazan]. Kazan: Tatarskoye knizhnoye izdatelstvo publ., 2004. 45 p.

Mrathuzina G. F. Russian Indology: periodization, science and education organization, problematics and specialization. IN: Journal of Sustainable Development, 2015, no. 8 (4), pp. 15-24.

Sverdlova L. M. *Na perekrestke torgovykh putey* [On the crossroads of trade routes]. Kazan: Tatarskoye knizhnoye izdatelstvo publ., 1991, 159 p.

Usmanov M. A. *Istoricheskie korni svyazey narodov Povolzhya i Indii* [Historical roots of connections between peoples of the Volga Region and India]. IN: *Rossiya-India: perspektivy razvitiya regionov (Respublika Tatarstan)* [Russia-India: Prospects of regional development (the Republic of Tatarstan)]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN publ., 2000, pp. 133-149.

Usmanov M. A. *Po sledam rukopisey* [In the footsteps of manuscripts]. Kazan: Tatarskoye knizhnoye izdatelstvo, 1994. – 463 p.

Usmanov M. A. *Zolotaya Orda: istoki i nasledie* [The Golden Horde: origins and heritage]. IN: *Sokrovishcha Zolotoy Ordyy*. St. Petersburg: Slaviya publ., 2000, pp. 26-53.

Сведения об авторах

Мратхузина Гузель Фердинандовна, кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений Казанского федерального университета, e-mail: gmratkhozina@gmail.com.

Хораськина Резида Ильгизовна, кандидат педагогических наук, доцент Института международных отношений Казанского федерального университета, e-mail: rezedahistory@mail.ru.

About the authors

Guzel F. Mratkhozina, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at Department of Oriental Studies, Institute of International Relations, Kazan Federal University, e-mail: gmratkhozina@gmail.com.

Rezida I. Khoraskina, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor at Department of Russian History, Institute of International Relations, Kazan Federal University, e-mail: rezedahistory@mail.ru.

В редакцию статья поступила 24.01.2020, опубликована:

Мратхузина Г. Ф., Хораськина Р. И. Поволжье и Индия: начальные этапы исторических отношений (по материалам казанских исследователей) // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2020. – № 1. – С. 135-145.

Submitted on 24.01.2020, published:

Mratkhozina G. F., Khoraskina R. I. Povolzhye i Indiya: nachalnye etapy istoricheskikh otnosheniy (po materialam kazanskih issledovateley) [The Volga region and India: the initial stages of historical relations (a case study by Kazan researchers)]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov*, 2020, no. 1, pp. 135-145.